ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКАЯ

ХРЕСТОМАТИЯ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Военно-патриотическая хрестоматия для детей

«Издательство АСТ»

2015

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Военно-патриотическая хрестоматия для детей / «Издательство АСТ», 2015

ISBN 978-5-17-089570-0

«Патриотизм. Это слово подчас используется в ироническом или даже ругательном смысле. Однако для большинства россиян оно сохранило свое первоначальное, полностью позитивное значение. Это чувство гордости своим Отечеством, его историей и свершениями. Это стремление сделать свою страну краше, богаче, крепче, счастливее. Когда эти чувства свободны от национальной кичливости и имперских амбиций, в них нет ничего предосудительного, косного. Это источник мужества, стойкости, силы народа. Утратив патриотизм, связанные с ним национальную гордость и достоинство, мы потеряем себя как народ, способный на великие свершения», – президент Российской Федерации В. В. Путин.Патриота можно воспитать по-разному. Можно внушить беззаветную преданность к своему государству. Можно убедить, что главное – защищать родину с оружием в руках в случае беды. Можно доказать, что во имя интересов своей страны надо быть всегда готовым на жертвы и подвиги. А можно очень просто привить любовь к Отечеству: с детства читать сказки, былины, рассказы, романы о героях своей Родины. Знать, кто такой Алеша Попович, Добрыня Никитич, Илья Муромец. Цитировать «Слово о полку Игореве» и поэмы Пушкина, Лермонтова. Сопереживать и знаменитым полководцам и простым солдатам. Не путаться в фамилиях Кутузова, Жуковского, Невского. Смеяться над баснями Крылова и повестями Гоголя. С легкостью рассуждать о перипетиях судьбы персонажей «Войны и мира».И вы увидите, что в нашей стране станет патриотов намного больше, чем сейчас. И тогда они смогут и защитить, и не предать своих соотечественников. В этой книге собраны лучшие произведения русской классической литературы, посвященные любви к Родине. Читайте ее вместе с вашими детьми.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-089570-0

, 2015
© Издательство АСТ, 2015

Содержание

Былины 6
Алеша Попович и Тугарин Змеевич 7
Алеша Попович и Добрыня Никитич 12
Илья Муромец 21
Илья Муромец и Соловей-Разбойник 24
Слово о полку Игореве 30
Слово о полку Игореве 31
Часть первая 32
Часть вторая 39
Часть третья 45
Отечественная война 1812 года 49
Г. Р. Державин 50
Гимн лиро-эпический на прогнание французов из отечества 50
Ода на смерть фельдмаршала князя Смоленского 56
Князь Кутузов-Смоленской 57
И. А. Крылов 58
Волк на псарне 58
Обоз 59
Ворона и курица 60
В. А. Жуковский 61
Певец во стане русских воинов 61
Конец ознакомительного фрагмента. 64

Военно-патриотическая хрестоматия для детей

Былины

Былины (старины) – героико-патриотические песни-сказания, повествующие о подвигах богатырей и отражающие жизнь Древней Руси IX–XIII веков; вид устного народного творчества, которому присущ песенно-эпический способ отражения действительности. Основным сюжетом былины является какое-либо героическое событие, либо примечательный эпизод русской истории (отсюда народное название былины – «старина», «старинушка», подразумевающее, что действие, о котором идёт речь, происходило в прошлом). Во многих текстах упоминается фигура киевского князя Владимира, которого иногда отождествляют с Владимиром Святославичем. Впервые термин «былины» был введён Иваном Сахаровым в сборнике «Песни русского народа» в 1839 году. Он предложил его, исходя из выражения «по былинам» в «Слове о полку Игореве», что значило «согласно фактам».

Некоторые тексты действительно свидетельствуют о том, что былины изложены «согласно фактам». Так, например, Илья Муромец упоминается в XIII веке в норвежской «Саге о Тидреке» и немецкой поэме «Ортнит», а в 1594 году немецкий путешественник Эрих Лассота видел его гробницу в Софийском соборе в Киеве. Алёша Попович служил у ростовских князей, потом перебрался в Киев и погиб в битве на реке Калке. В Новгородской летописи рассказывается о том, как Ставр Годинович навлек к на себя гнев Владимира Мономаха, и его утопили за то, что он обокрал двух граждан Новгорода; в другом варианте той же летописи говорится, что его сослали. Былины, как правило, написаны тоническим стихом с двумя-четырьмя ударениями.

Алеша Попович и Тугарин Змеевич

Из славного Ростова красна города
Как два ясные сокола вылетывали —
Выезжали два могучие богатыря:
Что по имени Алешенька Попович млад
А со молодым Якимом Ивановичем.
Они ездят, богатыри, плечо о плечо,
Стремено в стремено богатырское.
Они ездили-гуляли по чисту полю,
Ничего они в чистом поле не наезживали,
Не видели они птицы перелетныя,
Не видали они зверя рыскучего.
Только в чистом поле наехали —
Лежат три дороги широкие,
Промежу тех дорог лежит горюч камень,
А на камени подпись подписана.
Взговорит Алеша Попович млад:
– А и ты, братец Яким Иванович,
В грамоте поученый человек,
Посмотри на камени подписи,
Что на камени подписано.
И скочил Яким со добра коня,
Посмотрел на камени подписи
Расписаны дороги широкие
Первая дорога в Муром лежит,
Другая дорога – в Чернигов-град.
Третья – ко городу ко Киеву,
Ко ласкову князю Владимиру.
Говорил тут Яким Иванович:
– А и братец Алеша Попович млад,
Которой дорогой изволишь ехать?
Говорил ему Алеша Попович млад:
– Лучше нам ехать ко городу ко Киеву,
Ко ласковому князю Владимиру —
В те поры поворотили добрых коней
И поехали они ко городу ко Киеву…
А и будут они в городе Киеве
На княженецком дворе,
Скочили со добрых коней,
Привязали к дубовым столбам,
Пошли во светлы гридни,
Молятся спасову образу
И бьют челом, поклоняются
Князю Владимиру и княгине Апраксеевне
И на все четыре стороны.
Говорил им ласковый Владимир-князь:

– Гой вы еси, добры молодцы!
Скажитеся, как вас по имени зовут —
А по имени вам можно место дать,
По изотчеству можно пожаловать.
Говорит тут Алеша Попович млад:
– Меня, государь, зовут Алешею Поповичем,
Из города Ростова, сын старого попа соборного.
В те поры Владимир-князь обрадовался,
Говорил таковы слова:
– Гой еси, Алеша Попович млад!
По отечеству садися в большое место, в передний уголок
В другое место богатырское,
В дубову скамью против меня,
В третье место, куда сам захошь.
Не садился Алеша в место большее
И не садился в дубову скамью —
Сел он со своим товарищем на палатный брус.
Мало время позамешкавши,
Несут Тугарина Змеевича
На той доске красна золота
Двенадцать могучих богатырей,
Сажали в место большее,
И подле него сидела княгиня Апраксеевна.
Тут повары были догадливы —
Понесли яства сахарные ипитья медвяные,
А питья все заморские,
Стали тут пить-есть, прохлаждатися.
А Тугарин Змеевич нечестно хлеба ест,
По целой ковриге за щеку мечет —
Те ковриги монастырские,
И нечестно Тугарин питья пьёт —
По целой чаше охлёстывает,
Которая чаша в полтретья ведра.
И говорит в те поры Алеша Попович млад:
– Гой еси ты, ласковый государь Владимир-князь!
Что у тебя за болван пришел?
Что за дурак неотесанный?
Нечестно у князя за столом сидит,
Княгиню он, собака, целует во уста сахарные,
Тебе, князю, насмехается.
А у моего сударя-батюшки
Была собачища старая,
Насилу по подстолью таскалася,
И костью та собака подавилася —
Взял ее за хвост, да под гору махнул.
От меня Тугарину то же будет!
Тугарин почернел, как осенняя ночь,
Алеша Попович стал как светел месяц.
И опять в те поры повары были догадливы —

Носят яства сахарные и принесли лебедушку белую,
И ту рушала княгиня лебедь белую,
Обрезала рученьку левую,
Завернула рукавцем, под стол опустила,
Говорила таковы слова:
– Гой еси вы, княгини-боярыни!
Либо мне резать лебедь белую,
Либо смотреть на мил живот,
На молода Тугарина Змеевича!
Он, взявши, Тугарин, лебедь белую,
Всю вдруг проглотил,
Еще ту ковригу монастырскую.
Говорит Алеша на палатном брусу:
– Гой еси, ласковый государь Владимир-князь!
Что у тебя за болван сидит?
Что за дурак неотёсанный?
Нечестно за столом сидит,
Нечестно хлеба с солью ест —
По целой ковриге за щеку мечет
И целу лебёдушку вдруг проглотил.
У моего сударя-батюшки,
Фёдора, попа ростовского,
Была коровища старая,
Насилу по двору таскалася,
Забиласяна поварню к поварам,
Выпила чан браги пресныя,
От того она и лопнула.
Взял за хвост, да под гору махнул.
От меня Тугарину то же будет!
Тугарин потемнел, как осенняя ночь,
Выдернул кинжалище булатное,
Бросил в Алешу Поповича.
Алеша на то-то верток был,
Не мог Тугарин попасть в него.
Подхватил кинжалище Яким Иванович,
Говорил Алеше Поповичу:
– Сам ли бросаешь в него или мне велишь?
– Нет, я сам не бросаю и тебе не велю!
Заутра с ним переведаюсь.
Бьюсь я с ним о велик заклад —
Не о ста рублях, не о тысяче,
А бьюсь о своей буйной голове.
В те поры князья и бояра
Скочили на резвы ноги
И все за Тугарина поруки держат:
Князья кладут по сто рублей,
Бояре по пятьдесят, крестьяне по пяти рублей;
Тут же случилися гости купеческие —
Три корабля свои подписывают

Под Тугарина Змеевича,
Всякие товары заморские,
Которы стоят на быстром Днепре.
А за Алешу подписывал владыка черниговский.
В те поры Тугарин взвился и вон ушел,
Садился на своего добра коня,
Поднялся на бумажных крыльях по поднебесью летать
Скочила княгиня Апраксеевна на резвы ноги,
Стала пенять Алеше Поповичу:
– Деревенщина ты, засельщина!
Не дал посидеть другу милому!
В те поры Алеша не слушался,
Взвился с товарищем и вон пошел,
Садилися на добрых коней,
Поехали ко Сафат-реке,
Поставили белы шатры,
Стали опочив держать,
Коней отпустили в зелены луга.
Тут Алеша всю ночь не спал,
Молился богу со слезами:
– Создай, боже, тучу грозную,
А й тучу-то с градом-дождя!
Алешины молитвы доходчивы —
Дает господь бог тучу с градом-дождя.
Замочило Тугарину крылья бумажные,
Падает Тугарин, как собака, на сыру землю.
Приходил Яким Иванович,
Сказал Алеше Поповичу,
Что видел Тугарина на сырой земле.
И скоро Алеша наряжается,
Садился на добра коня,
Взял одну сабельку острую
И поехал к Тугарину Змеевичу.
Увидел Тугарин Змеевич Алешу Поповича,
Заревел зычным голосом:
– Гой еси, Алеша Попович млад!
Хошь ли, я тебя огнем спалю,
Хошь ли, Алеша, конем стопчу,
Али тебя, Алеша, копьем заколю?
Говорил ему Алеша Попович млад:
– Гой ты еси, Тугарин Змеевич млад.
Бился ты со мной о велик заклад
Биться-драться един на един,
А за тобою ноне силы – сметы нет. —
Оглянется Тугарин назад себя —
В те поры Алеша подскочил, ему голову срубил.
И пала голова на сыру землю, как пивной котел.
Алеша скочил со добра коня,
Отвязал чембур от добра коня,

И проколол уши у головы Тугарина Змеевича,
И привязал к добру коню,
Ипривез в Киев-град на княженецкий двор,
Бросил середи двора княженецкого.
И увидел Алешу Владимир-князь,
Повел во светлы гридни,
Сажал за убраны столы;
Тут для Алеши и стол пошел.
Сколько время покушавши,
Говорил Владимир-князь:
– Гой еси, Алеша Попович млад!
Час ты мне свет дал.
Пожалуй, ты живи в Киеве,
Служи мне, князю Владимиру,
Долюби тебя пожалую.
В те поры Алеша Попович млад
Князя не ослушался,
Стал служить верой и правдою.
А княгиня говорила Алеше Поповичу:
– Деревенщина ты, засельщина!
Разлучил меня с другом милыим,
С молодым Змеем Тугаретином!..
То старина, то и деяние.

Алеша Попович и Добрыня Никитич

Добрынюшка-тот матушке говаривал,
Да Никитинич-от матушке наказывал:
«Ты, свет, государыня да родна матушка,
Честна вдова Офимья Александровна!
Ты зачем меня, Добрынюшку, несчастного спородила?
Породила, государыня бы родна матушка,
Ты бы беленьким горючим меня камешком,
Завернула, государыня да родна матушка,
В тонкольняный было белый во рукавчичек,
Да вздынула, государыня да родна матушка,
Ты на высоку на гору сорочинскую
И спустила, государыня да родна матушка,
Меня в Черное бы море, во турецкое, —
Я бы век бы там, Добрыня, во мори лежал,
Я отныне бы лежал да я бы до веку,
Я не ездил бы, Добрыня, по чисту полю.
Я не убивал, Добрыня, неповинных душ,
Не пролил бы крови я напрасная,
Не слезил, Добрыня, отцов, матерей,
Не вдовил бы я, Добрынюшка, молодых жен,
Не спущал бы сиротать да малых детушек».
Ответ держит государыня да родна матушка,
Та честна вдова Офимья Александровна:
«Я бы рада бы тя, дитятко, спородити:
Я талантом-участью в Илью Муромца,
Я бы силой в Святогора да Богатыря,
Я бы смелостью во смелого Алешу во Поповича,
Я походкою тебя щапливою
Во того Чурилу во Пленковича,
Я бы вежеством в Добрыню во Никитича,
Только тыи статьи есть, а других Бог не дал,
Других Бог статьей не дал да не пожаловал».
Скоро-наскоро, Добрыня, он коня седлал,
Садился он скоро на добра коня,
Как он потнички да клал да на потнички,
А на потнички клал войлочки,
Клал на войлочки черкасское седелышко,
Всех подтягивал двенадцать тугих подпругов,
Он тринадцатый-от клал да ради крепости,
Чтобы добрый конь-от с-под седла не выскочил,
Добра молодца в чистом поле не вырушил.
Подпруги были шелковые,
А спеньки у подпруг все булатные,
Пряжи у седла да красна золота.
Тот да шелк не рвется, да булат не трется,

Красно золото не ржавеет.
Молодец-то на кони сидит, да сам не стареет.
Провожала-то Добрыню родна матушка.
Простилася и воротилася,
Домой пошла, сама заплакала.
А у тыя было у стремины у правыя,
Провожала-то Добрыню любима семья,
Молода Настасья дочь Никулична,
Она была взята из земли Политовския,
Сама говорит да таково слово:
«Ты, душка, Добрынюшка Никитинич!
Ты когда, Добрынюшка, домой будешь?
Когда ожидать Добрыню из чиста поля?»
Ответ держит Добрынюшка Никитинич:
«Когда меня ты стала спрашивать,
Так теперича тебе я стану сказывать:
Ожидай меня, Добрынюшку, по три года.
Если в три года не буду, жди по друго три,
А как сполнится то время шесть годов,
Как не буду я, Добрыня, из чиста поля,
Поминай меня, Добрынюшку, убитого.
А тебе-ка-ва, Настасья, воля вольная:
Хоть вдовой живи да хоть замуж поди,
Хоть ты за князя поди, хоть за боярина,
А хоть за русского могучего богатыря,
Столько не ходи за моего за брата за названого,
Ты за смелого Алешу за Поповича».
Его государыня-то родна матушка,
Она учала как по полати-то похаживать,
Она учала как голосом поваживать,
И сама говорит да таково слово:
«Единое ж было да солнце красное,
Нонь тепере за темны леса да закатилося,
Стольки оставлялся млад светел месяц.
Как единое ж было да чадо милое,
Молодой Добрыня сын Никитинич,
Он во далече, далече, во чистом поле,
Судит ли Бог на веку хоть раз видать?»
Еще стольки оставлялась любима семья,
Молода Настасья дочь Никулична,
На роздей тоски великоя кручинушки.
Стали сожидать Добрыню из чиста поля по три года,
А и по три года, еще по три дня,
Сполнилось времени цело три года.
Не бывал Добрыня из чиста поля.
Стали сожидать Добрыню по другое три,
Тут как день за днем да будто дождь дожжит,
А неделя за неделей как трава растет,
Год тот за годом да как река бежит.

Прошло тому времени другое три,
Да как сполнилось времени да целых шесть годов,
Не бывал Добрыня из чиста поля.
Как во тую пору, да во то время
Приезжал Алеша из чиста поля.
Привозил им весточку нерадостну,
Что нет жива Добрынюшки Никитича,
Он убит лежит да на чистом поле:
Буйна голова да испроломана,
Могучи плеча да испрострелены.
Головой лежит да в част ракитов куст.
Как тогда-то государыня да родна матушка
Слезила-то свои да очи ясные,
Скорбила-то свое да лицо белое
По своем рожоноем по дитятке,
А по молодом Добрыне по Никитичу.
Тут стал солнышко Владимир-то похаживать,
Да Настасью-то Никуличну посватывать,
Посватывать да подговаривать;
«Что как тебе жить да молодой вдовой,
А и молодый век да свой коротати,
Ты поди замуж хоть за князя, хоть за боярина,
Хоть за русского могучего богатыря,
Хоть за смелого Алешу за Поповича».
Говорит Настасья дочь Никулична:
«Ах ты, солнышко Владимир стольнокиевский!
Я исполнила заповедь ту мужнюю —
Я ждала Добрыню цело шесть годов,
Я исполню заповедь да свою женскую;
Я прожду Добрынюшку друго шесть лет.
Как исполнится времени двенадцать лет,
Да успею я в те поры замуж пойти».
Опять день за днем да будто дождь дожжит,
А неделя за неделей как трава растет,
Год тот за годом да как река бежит.
А прошло тому времени двенадцать лет,
Не бывал Добрыня из чиста поля.
Тут стал солнышко Владимир тут похаживать,
Он Настасьи-той Никуличной посватывать,
Посватывать да подговаривать:
«Ты эй, молода Настасья дочь Никулична!
Как тебе жить да молодой вдовой,
А молодый век да свой коротати.
Ты поди замуж хоть за князя, хоть за боярина,
Хоть за русского могучего богатыря,
А хоть за смелого Алешу да Поповича».
Не пошла замуж ни за князя, ни за боярина,
Ни за русского могучего богатыря,
А пошла замуж за смелого Алешу за Поповича.

Пир идет у них по третий день,
А сегодня им идти да ко Божьей церкви,
Принимать с Алешей по злату венцу.
В тую ль было пору, а в то время,
А Добрыня-то случился у Царя-града,
У Добрыни конь да подтыкается.
Говорил Добрыня сын Никитинич:
«Ах ты, волчья сыть да ты медвежья шерсть!
Ты чего сегодня подтыкаешься?»
Испровещится как ему добрый конь,
Ему голосом да человеческим:
«Ах ты эй, хозяин мой любимыя!
Над собой невзгодушки не ведаешь:
А твоя Настасья-королевична,
Королевична – она замуж пошла
За смелого Алешу за Поповича.
Как пир идет у них по третий день,
Сегодня им идти да ко Божьей церкви,
Принимать с Алешей по злату венцу».
Тут молодой Добрыня сын Никитинич,
Он бьет бурка промежду уши,
Промежду уши да промежду ноги,
Что стал его бурушка поскакивать,
С горы на горы да с холма на холму,
Он реки и озера перескакивал,
Где широкие раздолья – между ног пущал.
Буде во граде во Киеве,
Как не ясный сокол в перелёт летел,
Добрый молодец да в перегон гонит,
Не воротми ехал он – через стену,
Через тую стену городовую,
Мимо тую башню наугольную,
Ко тому придворью ко вдовиному;
Он на двор заехал безобсылочно,
А в палаты идет да бездокладочно,
Он не спрашивал у ворот да приворотников,
У дверей не спрашивал придверников;
Всех он взашей прочь отталкивал,
Смело проходил в палаты во вдовиные,
Крест кладет да по-писаному,
Он поклон ведет да по-ученому,
На все три, четыре да на стороны,
А честной вдове Офимье Александровне да в особину:
«Здравствуешь, честная вдова, Офимья Александровна!»
Как вслед идут придверники да приворотники,
Вслед идут, всё жалобу творят:
Сами говорят да таково слово:
«Ах ты эй, Офимья Александровна!
Как этот-то удалый добрый молодец,

Он наехал с поля да скорым гонцом,
Да на двор заехал безобсылочно,
В палаты-ты идет да бездокладочно,
Нас не спрашивал у ворот да приворотников,
У дверей не спрашивал придверников,
Да всех взашей прочь отталкивал,
Смело проходил в палаты во вдовиные».
Говорит Офимья Александровна:
«Ты эй, удалый добрый молодец!
Ты зачем же ехал на сиротский двор да безобсылочно,
А в палаты ты идешь да бездокладочно,
Ты не спрашивашь у ворот да приворотников,
У дверей не спрашивашь придверников,
Всех ты взашей прочь отталкиваешь?
Кабы было живо мое чадо милое,
Молодой Добрыня сын Никитинич,
Отрубил бы он тебе-ка буйну голову
За твои поступки неумильные».
Говорил удалый добрый молодец:
«Я вчера с Добрыней поразъехался,
А Добрыня поехал ко Царю-граду,
Я поехал да ко Киеву».
Говорит честна вдова Офимья Александровна:
«Во тую ли было пору, во перво шесть лет
Приезжал Алеша из чиста поля,
Привозил нам весточку нерадостну,
Что нет жива Добрынюшки Никитича,
Он убит лежит да во чистом поле:
Буйна голова его испроломлена,
Могучи плеча да испрострелены,
Головой лежит да в част ракитов куст.
Я жалешенько тогда ведь по нем плакала,
Я слезила-то свои да очи ясные,
Я скорбила-то свое да лицо белое
По своем роженоем по дитятке,
Я по молодом Добрыне по Никитичу».
Говорил удалый добрый молодец:
«Что наказывал мне братец-от названыя,
Молодой Добрыня сын Никитинич,
Спросить про него, про любиму семью,
А про молоду Настасью про Никуличну».
Говорит Офимья Александровна:
«А Добрынина любима семья замуж пошла
За смелого Алешу за Поповича.
Пир идет у них по третий день,
А сегодня им идти да ко Божьей церкви,
Принимать с Алешкой по злату венцу».
Говорил удалой добрый молодец:
«А наказывал мне братец-от названыя,

Молодой Добрыня сын Никитинич:
Если случит Бог быть на пору тебе во Киеве,
То возьми мое платье скоморошское,
Да возьми мои гуселышки яровчаты
В новой горенке да все на стопочке».
Как бежала тут Офимья Александровна,
Подавала ему платье скоморошское,
Да гуселышки ему яровчаты.
Накрутился молодец как скоморошиной,
Да пошел он на хорош почестный пир.
Идет, как он да на княженецкий двор,
Не спрашивал у ворот да приворотников,
У дверей не спрашивал придверников,
Да всех взашей прочь отталкивал,
Смело проходил во палаты княженецкие;
Тут он крест кладёт да по-писаному,
А поклон ведет да по-ученому,
На все три, четыре да на стороны,
Солнышку Владимиру да в особину:
«Здравствуй, солнышко Владимир стольный киевский
С молодой княгиней со Апраксией!»
Вслед идут придверники да приворотники,
Вслед идут, все жалобу творят,
Сами говорят да таково слово:
«Здравствуй, солнышко Владимир стольный киевской!
Как этая удала скоморошина
Наехал из чиста поля скорым гонцом,
А теперича идет да скоморошиной,
Нас не спрашивал у ворот да приворотников,
У дверей он нас не спрашивал, придверников,
Да всех нас взашей прочь отталкивал.
Смело проходил в палаты княженецкие».
Говорил Владимир стольный киевский:
«Ах ты эй, удала скоморошина!
Зачем идешь на княженецкий двор да безобсылочно,
А и в палаты идешь бездокладочно,
Ты не спрашивашь у ворот да приворотников,
У дверей не спрашивашь придверников,
А всех ты взашей прочь отталкивал?»
Скоморошина к речам да не вчуется,
Скоморошина к речам не примется,
Говорит удала скоморошина:
«Солнышко Владимир стольный киевский!
Скажи, где есть наше место скоморошское?»
Говорит Владимир стольнокиевский:
«Что ваше место скоморошское
А на той на печке на муравленой,
На муравленой на печке да на запечке».
Он вскочил скоро на место на показано,

На тую на печку на муравлену.
Он натягивал тетивочки шелковые,
Тыи струночки да золоченые,
Он учал по стрункам похаживать,
Да он учал голосом поваживать
Играет-то он ведь во Киеве,
А на выигрыш берет во Цари-граде.
Он повыиграл во ограде во Киеве,
Он во Киеве да всех поимянно,
Он от старого да всех до малого.
Тут все на пиру игры заслушались,
И все на пиру призамолкнулись,
Самы говорят да таково слово:
«Солнышко Владимир стольнокиевский!
Не быть этой удалой скоморошине,
А какому ни быть надо русскому,
Быть удалому да добру молодцу».
Говорит Владимир стольнокиевский:
«Ах ты эй, удала скоморошина!
За твою игру да за веселую,
Опущайся-ко из печи из-запечка,
А садись-ко с нами да за дубов стол,
А за дубов стол да хлеба кушати.
Теперь дам я ти три места три любимыих:
Перво место сядь подли меня,
Друго место сопротив меня,
Третье место куда сам захошь,
Куда сам захошь, ещё пожалуешь».
Опущалась скоморошина из печи из муравленой,
Да не села скоморошина подле князя,
Да не села скоморошина да сопротив князя,
А садилась на скамеечку Сопротив княгини-то обручныя,
Против молодой Настасьи да Никуличны.
Говорит удала скоморошина:
«Ах ты, солнышко Владимир стольнокиевский!
Бласлови-ко налить чару зелена вина,
Поднести-то эту чару кому я знаю,
Кому я знаю, еще пожалую».
Говорил Владимир стольнокиевский:
«Ай ты эй, удала скоморошина!
Была дана ти поволька да великая,
Что захочешь, так ты то делай,
Что ты вздумаешь, да ещё и то твори».
Как тая удала скоморошина Наливала чару зелена вина,
Да опустит в чару свой злачен перстень,
Да подносит-то княгине поручёныя,
Сам говорил да таково слово:
«Ты эй, молода Настасья, дочь Никулична!
Прими-ко сию чару единой рукой,

Да ты выпей-ко всю чару единым духом.
Как ты пьешь до дна, так ты ведашь добра,
А не пьешь до дна, так не видашь добра».
Она приняла чару единой рукой,
Да и выпила всю чару единым духом,
Да обсмотрит в чаре свой злачен перстень,
А которыим с Добрыней обручалася,
Сама говорит таково слово: «Вы эй же, вы, князи, да вы, бояра,
Вы все же, князи вы и дворяна!
Ведь не тот мой муж, да кой подли меня,
А тот мой муж, кой супротив меня:
Сидит мой муж да на скамеечке,
Он подносит мне-то чару зелена вина».
Сама выскочит из стола да из-за дубова,
Да и упала Добрыне во резвы ноги,
Сама говорит да таково слово:
«Ты эй, молодой Добрыня сын Никитинич!
Ты прости, прости, Добрынюшка Никитинич,
Что не по-твоему наказу да я сделала,
Я за смелого Алешеньку замуж пошла,
У нас волос долог, да ум короток,
Нас куда ведут, да мы туда идём,
Нас куда везут, да мы туда едем».
Говорил Добрыня сын Никитинич:
«Не дивую разуму я женскому:
Муж-от в лес, жена и замуж пойдет,
У них волос долог, да ум короток.
А дивую я солнышку Владимиру
Со своей княгиней со Апраксией,
Что солнышко Владимир тот сватом был,
А княгиня-то Апраксия да была свахою,
Они у жива мужа жону да просватали».
Тут солнышку Владимиру к стыду пришло,
Он повесил свою буйну голову,
Утопил ясны очи во сыру землю.
Говорит Алешенька Левонтьевич:
«Ты прости, прости, братец мои названыя,
Молодой Добрыня сын Никитинич!
Ты в той вине прости меня во глупости,
Что я посидел подли твоей любимой семьи,
Подле молодой Настасии да Никуличной».
Говорил Добрыня сын Никитинич:
«А в той вины, братец, тебя Бог простит,
Что ты посидел подли моей да любимой семьи,
Подле молодой Настасии Никуличны.
А в другой вине, братец, тебя не прощу,
Когда приезжал из чиста поля во перво шесть лет,
Привозил ты весточку нерадостну,
Что нет жива Добрынюшки Никитича;

Убит лежит да на чистом поле.
А тогда-то государыня да моя родна матушка,
А жалешенько она да по мне плакала,
Слезила-то она свои да очи ясные,
А скорбила-то свое да лицо белое, —
Так во этой вине, братец, тебя не прощу».
Как ухватит он Алешу за желты кудри,
Да он выдернет Алешку через дубов стол,
Как он бросит Алешку о кирпичен мост,
Да повыдернет шалыгу подорожную,
Да он учал шалыгищем охаживать,
Что в хлопанье-то охканья не слышно ведь;
Да только-то Алешенька и женат бывал,
Ну столько-то Алешенька с женой сыпал.
Всяк-то, братцы, на веку ведь женится,
И всякому женитьба удавается,
А не дай Бог женитьбы той Алешиной.
Тут он взял свою да любиму семью,
Молоду Настасью да Никуличну,
И пошел к государыне да и родной матушке,
Да он здыял доброе здоровьице.
Тут век про Добрыню старину скажут,
А синему морю на тишину,
А всем добрым людям на послушанье.

Илья Муромец

Исцеление Ильи Муромца

В славном городе во Муромле,
Во селе было Карачарове,
Сиднем сидел Илья Муромец, крестьянский сын,
Сиднем сидел цело тридцать лет.
Уходил государь его батюшка
Со родителем со матушкою
На работушку на крестьянскую.
Как приходили две калики перехожие
Под тое окошечко косявчето.
Говорят калики таковы слова:
«Ай же ты Илья Муромец, крестьянский сын!
Отворяй каликам ворота широкие,
Пусти-ка калик к себе в дом».
Ответ держит Илья Муромец:
«Ай же вы, калики перехожие!
Не могу отворить ворот широкиих,
Сиднем сижу цело тридцать лет,
Не владаю ни рукамы, ни ногамы».
Опять говорят калики перехожие:
«Выставай-ка, Илья, на резвы ноги,
Отворяй-ка ворота широкие,
Пускай-то калик к себе в дом».
Выставал Илья на резвы ноги,
Отворял ворота широкие
И пускал калик к себе в дом.
Приходили калики перехожие,
Они крест кладут по-писаному,
Поклон ведут по-ученому,
Наливают чарочку питьица медвяного,
Подносят-то Илье Муромцу.
Как выпил-то чару питьица медвяного,
Богатырско его сердце разгорелося,
Его белое тело распотелося.
Воспроговорят калики таковы слова:
«Что чувствуешь в себе, Илья?»
Бил челом Илья, калик поздравствовал;
«Слышу в себе силушку великую».
Говорят калики перехожие:
«Будь ты, Илья, великий богатырь,
И смерть тебе на бою не писана;
Бейся-ратися со всяким богатырем
И со всею паленицею удалою,
А только не выходи драться
С Святогором-богатырем —

Его и земля на себе через силу носит;
Не ходи драться с Самсоном богатырем —
У него на голове семь власов ангельских;
Не бейся и с родом Микуловым —
Его любит матушка сыра земля;
Не ходи още на Вольгу Сеславьича —
Он не силою возьмет,
Так хитростью-мудростью.
Доставай, Илья, коня собе богатырского,
Выходи в раздольице чисто поле,
Покупай первого жеребчика,
Станови его в срубу на три месяца,
Корми его пшеном белояровым.
А пройдет поры-времени три месяца,
Ты по три ночи жеребчика в саду поваживай
И в три росы жеребчика выкатывай,
Подводи его к тыну ко высокому.
Как станет жеребчик через тын перескакивать
И в ту сторону и в другую сторону,
Поезжай на нем, куда хочешь,
Будет носить тебя».
Тут калики потерялися.
Пошел Илья ко родителю ко батюшку
На тую на работу на крестьянскую,
– Очистить надо пал от дубья-колодья.
Он дубье-колодье все повырубил,
В глубоку реку повыгрузил,
А сам и сшел домой.
Выстали отец с матерью от крепкого сна —
испужалися:
«Что это за чудо подеялось?
Кто бы нам это сработал работушку?»
Работа-то была поделана,
И пошли они домой.
Как пришли домой, видят:
Илья Муромец ходит по избы.
Стали его спрашивать,
Как он выздоровел.
Илья и рассказал им,
Как приходили калики перехожие,
Поили его питьицем медвяным —
И с того он стал владать рукамы и ногамы
И силушку получил великую.
Пошел Илья в раздольице чисто поле,
Видит: мужик ведет жеребчика немудрого,
Бурого жеребчика косматенького.
Покупал Илья того жеребчика,
Что запросил мужик, то и дал;
Становил жеребчика в сруб на три месяца,

Кормил его пшеном белояровым,
Поил свежей ключевой водой.
И прошло поры-времени три месяца.
Стал Илья жеребчика по три ночи в саду поваживать,
В три росы его выкатывал;
Подводил ко тыну ко высокому,
И стал бурушко через тын перескакивать
И в ту сторону и в другую сторону.
Тут Илья Муромец Седлал добра коня, зауздывал,
Брал у батюшки, у матушки Прощеньице-благословеньице
И поехал в раздольице чисто поле.

Илья Муромец и Соловей-Разбойник

Из того ли-то из города из Муромля,
Из того села да с Карачарова
Выезжал удаленький дородный добрый молодец;
Он стоял заутреню во Муромли,
А и к обеденке поспеть хотел он в стольный Киев— град,
Да и подъехал он ко славному ко городу к Чернигову.
У того ли города Чернигова
Нагнано-то силушки черным-черно,
А и черным-черно, как черна ворона;
Так пехотою никто тут не похаживат,
На добром кони никто тут не проезживат,
Птица черный ворон не пролетыват,
Серый зверь да не прорыскиват.
А подъехал как ко силушке великоей,
Он как стал-то эту силушку великую,
Стал конем топтать да стал копьем колоть,
А и побил он эту силу всю великую.
Он подъехал-то под славный под Чернигов-град.
Выходили мужички да тут черниговски
И отворяли-то ворота во Чернигов-град,
А и зовут его в Чернигов воеводою.
Говорит-то им Илья да таковы слова:
«Ай же мужички да вы черниговски!
Я нейду к вам во Чернигов воеводою.
Укажите мне дорожку прямоезжую,
Прямоезжую да в стольный Киев-град».
Говорили мужички ему черниговски:
«Ты удаленький дородный добрый молодец,
А и ты славныя богатырь святорусскии!
Прямоезжая дорожка заколодела,
Заколодела дорожка, замуравела;
А и по той ли по дорожке прямоезжею
Да и пехотою никто да не прохаживал,
На добром кони никто да не проезживал:
Как у той ли-то у грязи-то у черноей,
Да у той ли у березы у покляпыя,
Да у той ли речки у Смородины,
У того креста у Леванидова
Сиди Соловей-разбойник во сыром дубу,
Сиди Соловей-разбойник Одихмантьев сын;
А то свищет Соловей да по-соловьему
Он кричит, злодей-разбойник, по-звериному,
И от его ли-то, от посвисту соловьего,
И от его ли-то, от покрику звериного,
То все травушки-муравы уплетаются,

Все лазуревы цветочки отсыпаются,
Темны лесушки к земли вси приклоняются,
А что есть людей, то все мертвы лежат.
Прямоезжею дороженькой пятьсот есть верст,
А и окольноей дорожкой цела тысяща».
Он пустил добра коня да и богатырского.
Он поехал-то дорожкой прямоезжею.
Его добрый конь да богатырскии
С горы на гору стал перескакивать,
С холмы на холму стал перемахивать,
Мелки реченьки, озерка промеж ног спущал.
Подъезжает он ко речке ко Смородинке,
Да ко тоей он ко грязи он ко черноей,
Да ко тое ко березе ко покляпые,
К тому славному кресту ко Леванидову.
Засвистал-то Соловей да и по-соловьему,
Закричал злодей-разбойник по-звериному,
Так все травушки-муравы уплеталися,
Да и лазуревы цветочки отсыпалися,
Темны лесушки к земле вси приклонилися.
Его добрый конь да богатырскии,
А он на корзни да потыкается.
А и как старый-от казак да Илья Муромец
Берет плеточку шелковую в белу руку,
А он бил коня а по крутым ребрам;
Говорил-то он, Илья, да таковы слова:
«Ах ты, волчья сыть да и травяной мешок!
Али ты идти не хошь, али нести не мошь?
Что ты на корзни, собака, потыкаешься?
Не слыхал ли посвисту соловьего,
Не слыхал ли покрику звериного,
Не видал ли ты ударов богатырскиих?»
А и тут старыя казак да Илья Муромец
Да берет-то он свои тугой лук разрывчатый,
Во свои берет во белы он во ручушки,
Он тетивочку шелковеньку натягивал,
А он стрелочку каленую накладывал,
То он стрелил в того Соловья-разбойника,
Ему выбил право око со косицею.
Он спустил-то Соловья да на сыру землю,
Пристегнул его ко правому ко стремечку булатному,
Он повез его по славну по чисту полю,
Мимо гнездышко повез да соловьиное.
В том гнездышке да соловьиноем
А случилось быть да и три дочери,
А и три дочери его любимыих;
Больша дочка эта смотрит во окошечко косящато,
Говорит она да таковы слова.
«Едет-то наш батюшка чистым полем,

А сидит-то на добром кони,
Да везет он мужичища-деревенщину,
Да у правого стремени прикована».
Поглядела его друга дочь любимая,
Говорила-то она да таковы слова:
«Едет батюшко раздольицем чистым полем,
Да и везет он мужичища-деревенщину,
Да и ко правому ко стремени прикована».
Поглядела его меньша дочь любимая,
Говорила-то она да таковы слова:
«Едет мужичищо-деревенщина,
Да и сидит, мужик, он на добром кони,
Да и везет-то наша батюшка у стремени,
У булатного у стремени прикована.
Ему выбито-то право око со косицею».
Говорила-то и она да таковы слова.
«Ай же мужевья наши любимые!
Вы берите-тко рогатины звериные,
Да бегите-тко в раздольице чисто поле,
Да вы бейте мужичища-деревенщину!»
Эти мужевья да их любимые,
Зятевья то есть да соловьиные,
Похватали как рогатины звериные
Да и бежали-то они да и во чисто поле
К тому ли мужичищу-деревенщине,
Да хотят убить-то мужичища-деревенщину.
Говорит им Соловей-разбойник Одихмантьев сын:
«Ай же зятевья мои любимые!
Побросайте-тко рогатины звериные,
Вы зовите мужика да деревенщину,
В свое гнездышко зовите соловьиное,
Да кормите его ествушкой сахарною,
Да вы пойте его питьицем медвяныим,
Да и дарите ему дары драгоценные».
Эти зятевья да соловьиные
Побросали-то рогатины звериные
А и зовут-то мужика да и деревенщину
Во то гнездышко во соловьиное;
Да и мужик-от-деревенщина не слушатся,
А он едет-то по славному чисту полю,
Прямоезжею дорожкой в стольный Киев-град.
Он приехал-то во славный стольный Киев-град
А ко славному ко князю на широкий двор.
А и Владимир-князь он вышел со Божьей церкви,
Он пришел в палату белокаменну,
Во столовую свою во горенку.
Они сели есть да пить да хлеба кушати,
Хлеба кушати да пообедати.
А и тут старыя казак да Илья Муромец

Становил коня да посередь двора,
Сам идет он во палаты белокаменны,
Проходил он во столовую во горенку,
На пяту он дверь-ту поразмахивал,
Крест-от клал он по-писаному,
Вел поклоны по-ученому,
На всё на три, на четыре на сторонки
низко кланялся,
Самому князю Владимиру в особину,
Еще всем его князьям он подколенныим.
Тут Владимир-князь стал молодца выспрашивать:
«Ты скажи-тко, ты откулешный, дородный
добрый молодец,
Тобе как-то молодца да именем зовут,
Величают удалого по отечеству?»
Говорил-то старыя казак да Илья Муромец:
«Есть я с славного из города из Муромля,
Из того села да с Карачарова,
Есть я старыя казак да Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович!»
Говорит ему Владимир таковы слова:
«Ай же ты, старыя казак да Илья Муромец!
Да и давно ли ты повыехал из Муромля,
И которою дороженькой ты ехал в стольный Киев-град?»
Говорил Илья он таковы слова:
«Ай ты, славныя Владимир стольнокиевский!
Я стоял заутреню христовскую во Муромле,
А и к обеденке поспеть хотел я в стольный Киев-град,
То моя дорожка призамешкалась;
А я ехал-то дорожкой прямоезжею,
Прямоезжею дороженькой я ехал мимо-то Чернигов-град.
Ехал мимо эту грязь да мимо черную,
Мимо славну реченьку Смородину,
Мимо славную березу-ту покляпую,
Мимо славный ехал Леванидов крест».
Говорил ему Владимир таковы слова:
«Ай же мужичищо-деревенщина!
Во глазах, мужик, да подлыгаешься,
Во глазах, мужик, да насмехаешься!
Как у славного у города Чернигова
Нагнано тут силы много-множество,
То пехотою никто да не прохаживал,
И на добром коне никто да не проезживал,
Туды серый зверь да не прорыскивал,
Птица черный ворон не пролетывал;
А у той ли-то у грязи-то у черноей
Да у славноей у речки у Смородины,
А и у той ли у березы у покляпые,
У того креста у Леванидова

Соловей сидит разбойник Одихмантьев сын;
То как свищет Соловей да по-соловьему,
Как кричит злодей-разбойник по-звериному,
То все травушки-муравы уплетаются,
А лазуревы цветки прочь отсыпаются,
Темны лесушки к земли вси приклоняются,
А что есть людей, то вси мертво лежат».
Говорил ему Илья да таковы слова:
«Ты, Владимир-князь да стольнокиевский!
Соловей-разбойник на твоем дворе,
Ему выбито ведь право око со косицею,
И он к стремени булатному прикованный».
То Владимир князь-от стольнокиевский,
Он скорешенько ставал да на резвы ножки,
Кунью шубоньку накинул на одно плечко,
То он шапочку соболью на одно ушко,
Он выходит-то на свой-то на широкий двор
Посмотреть на Соловья-разбойника.
Говорил-то ведь Владимир-князь да таковы слова:
«Засвищи-тко, Соловей, ты по-соловьему,
Закричи-тко, собака, по-звериному».
Говорил-то Соловей ему разбойник
Одихмантьев сын: «Не у вас-то я сегодня, князь, обедаю,
А не вас-то я хочу да и послушати,
Я обедал-то у старого казака Ильи Муромца,
Да его хочу-то я послушати».
Говорил-то как Владимир-князь
да стольнокиевский: «Ай же старыя казак ты, Илья Муромец!
Прикажи-тко засвистать ты Соловью да и по-соловьему,
Прикажи-тко закричать да по-звериному».
Говорил Илья да таковы слова:
«Ай же Соловей-разбойник Одихмантьев сын!
Засвищи-тко ты в пол-свисту соловьего,
Закричи-тко ты во пол-крику звериного».
Говорил-то ему Соловей-разбойник Одихмантьев сын:
«Ай же старыя казак ты, Илья Муромец,
Мои раночки кровавы запечатались,
Да не ходят-то мои уста сахарные:
Не могу засвистать да и по-соловьему,
Закричать-то не могу я по-звериному,
А и вели-тко князю ты Владимиру
Налить чару мни да зелена вина,
Я повыпью-то как чару зелена вина,
Мои раночки кровавы поразойдутся,
Да уста мои сахарни порасходятся,
Да тогда я засвищу да по-соловьему,
Да тогда я закричу да по-звериному».
Говорил Илья тот князю он Владимиру:
«Ты, Владимир-князь да стольнокиевский!

Ты поди в свою столовую во горенку,
Наливай-ко чару зелена вина,
Ты не малую стопу да полтора ведра,
Подноси-ко к Соловью к разбойнику».
То Владимир-князь да стольнокиевский,
Он скоренько шел в столову свою горенку,
Наливал он чару зелена вина,
Да не малу он стопу да полтора ведра,
Разводил медами он стоялыми,
Приносил-то он ко Соловью-разбойнику.
Соловей-разбойник Одихмантьев сын,
Принял чарочку от князя он одной ручкой,
Выпил чарочку-то Соловей одным духом.
Засвистал как Соловей тут по-соловьему,
Закричал разбойник по-звериному,
Маковки на теремах покривились,
А околенки во теремах рассыпались
От его от посвисту соловьего,
А что есть-то лкэдюшек, так все мертвы лежат;
А Владимир-князь-от стольнокиевский,
Куньей шубонькой он укрывается.
А и тут старый-от казак да Илья Муромец,
Он скорешенько садился на добра коня,
А и он вез-то Соловья да во чисто поле,
И он срубил ему да буйну голову.
Говорил Илья да таковы слова:
«Тебе полно-тко свистать да по-соловьему,
Тебе полно-тко кричать да по-звериному,
Тебе полно-тко слезить да отцей-матерей,
Тебе полно-тко вдовить да жен молодыих,
Тебе полно-тко спущать-то сиротать да малых детушек»,
А тут, Соловью, ему и славу поют,
А и славу поют ему век по веку.

Слово о полку Игореве

(В переводе А. Майкова)

«Слово о походе Игоревом, Игоря, сына Святославова, внука Олегова» – известный памятник литературы Киевской Руси. В основе сюжета – неудачный поход русских князей на половцев, предпринятый новгород-северским князем Игорем Святославичем в 1185 году. «Слово» было написано в конце XII века, вскоре после описываемого события (часто датируется тем же 1185 годом, реже 1–2 годами позже).

Проникнутое мотивами славянской народной поэзии с элементами языческой мифологии, по своему художественному языку и литературной значимости «Слово» стоит в ряду крупнейших достижений средневекового эпоса.

«Слово» начинается вступлением – обращением к великому певцу древности Бояну. Вещий Боян, заводя песнь, «растекался мыслию по древу, серым волком по полю кружил, как орел, под облаком парил..». Автор же «Слова», напротив, повествует просто, «по былинам сего времени». Повесть его разворачивается «от старого Владимира» (Мономаха) «до нынешнего Игоря», который задумал в одиночку, с немногими родичами, вернуть Руси землю половецкую до самого Чёрного моря.

Слово о полку Игореве

О походе Игоревом слово,
Чтоб старинной речью рассказать
Про деянья князя удалого?
А воспеть нам, братия, его —
В похвалу трудам его и ранам —
По былинам времени сего,
Не гоняясь в песне за Бояном.
Тот Боян, исполнен дивных сил,
Приступая к вещему напеву,
Серым волком по полю кружил,
Как орел, под облаком парил,
Растекался мыслию по древу.
Жил он в громе дедовских побед,
Знал немало подвигов и схваток,
И на стадо лебедей чуть свет
Выпускал он соколов десяток.
И, встречая в воздухе врага,
Начинали соколы расправу,
И взлетала лебедь в облака,
И трубила славу Ярославу.
Пела древний киевский престол,
Поединок славила старинный,
Где Мстислав Редедю заколол
Перед всей касожскою дружиной,
И Роману Красному хвалу
Пела лебедь, падая во мглу.
Но не десять соколов пускал
Наш Боян, но, вспомнив дни былые,
Вещие персты он подымал
И на струны возлагал живые. —
Вздрагивали струны, трепетали,
Сами князям славу рокотали.
Мы же по иному замышленью
Эту повесть о године бед
Со времен Владимира княженья
Доведем до Игоревых лет
И прославим Игоря, который,
Напрягая разум, полный сил.
Мужество избрал себе опорой.
Ратным духом сердце поострил
И повел полки родного края.
Половецким землям угрожая.
О Боян, старинный соловей!
Приступая к вещему напеву,
Если б ты о битвах наших дней

Пел, скача по мысленному древу;
Если б ты, взлетев под облака,
Нашу славу с дедовскою славой
Сочетал на долгие века,
Чтоб прославить сына Святослава;
Если б ты Трояновой тропой
Средь полей помчался и курганов, —
Так бы ныне был воспет тобой
Игорь-князь, могучий внук Троянов:
«То не буря соколов несет
За поля широкие и долы,
То не стаи галочьи летят
К Дону на великие просторы!»
Или так воспеть тебе,
Боян, Внук Велесов, наш военный стан:
«За Сулою кони ржут.
Слава в Киеве звенит,
В Новеграде трубы громкие трубят,
Во Путивле стяги бранные стоят!»

Часть первая

1
Игорь-князь с могучею дружиной
Мила брата Всеволода ждет.
Молвит буй тур Всеволод: «Единый
Ты мне брат, мой Игорь, и оплот!
Дети Святослава мы с тобою,
Так седлай же борзых коней, брат!
А мои, давно готовы к бою,
Возле Курска под седлом стоят.

2
А куряне славные —
Витязи исправные:
Родились под трубами,
Росли под шеломами,
Выросли как воины,
С конца копья вскормлены.
Все пути им ведомы,
Все яруги знаемы,
Луки их натянуты,
Колчаны отворены,
Сабли их наточены,
Шеломы позолочены.
Сами скачут по полю волками
И, всегда готовые к борьбе,

Добывают острыми мечами
Князю – славы, почестей – себе!»

3

Но, взглянув на солнце в этот день,
Подивился Игорь на светило:
Середь бела дня ночная тень
Ополченья русские покрыла.
И, не зная, что сулит судьбина.
Князь промолвил: «Братья и дружина!
Лучше быть убиту от мечей.
Чем от рук поганых полонёну!
Сядем, братья, на лихих коней
Да посмотрим синего мы Дону!»
Вспала князю эта мысль на ум —
Искусить неведомого края,
И сказал он, полон ратных дум,
Знаменьем небес пренебрегая:
«Копие хочу я преломить
В половецком поле незнакомом,
С вами, братья, голову сложить
Либо Дону зачерпнуть шеломом!»

4

Игорь-князь во злат стремень вступает.
В чистое он поле выезжает.
Солнце тьмою путь ему закрыло,
Ночь грозою птиц перебудила,
Свист зверей несется, полон гнева,
Кличет Див над ним с вершины древа,
Кличет Див, как половец в дозоре,
За Суду, на Сурож, на Поморье,
Корсуню и всей округе ханской,
И тебе, болван тмутороканский!

5

И бегут, заслышав о набеге,
Половцы сквозь степи и яруги,
И скрипят их старые телеги,
Голосят, как лебеди в испуге.
Игорь к Дону движется с полками,
А беда несется вслед за ним:
Птицы, поднимаясь над дубами,
Реют с криком жалобным своим.
По оврагам волки завывают,
Крик орлов доносится из мглы —
Знать, на кости русские скликают
Зверя кровожадные орлы;
Уж лиса на щит червленый брешет,

Стон и скрежет в сумраке ночном…
О Русская земля!
Ты уже за холмом.

6

Долго длится ночь. Но засветился
Утренними зорями восток.
Уж туман над полем заклубился,
Говор галок в роще пробудился,
Соловьиный щекот приумолк.
Русичи, сомкнув щиты рядами,
К славной изготовились борьбе,
Добывая острыми мечами
Князю – славы, почестей – себе.

7

На рассвете, в пятницу, в туманах,
Стрелами по полю полетев,
Смяло войско половцев поганых
И умчало половецких дев.
Захватили золота без счета,
Груду аксамитов и шелков,
Вымостили топкие болота
Япанчами красными врагов.
А червленый стяг с хоругвью белой,
Челку и копье из серебра
Взял в награду Святославич смелый,
Не желая прочего добра.

8

Выбрав в поле место для ночлега
И нуждаясь в отдыхе давно,
Спит гнездо бесстрашное Олега —
Далеко подвинулось оно!
Залетело, храброе, далече,
И никто ему не господин —
Будь то сокол, будь то гордый кречет.
Будь то черный ворон – половчин.
А в степи, с ордой своею дикой
Серым волком рыская чуть свет,
Старый Гзак на Дон бежит великий,
И Кончак спешит ему вослед.

9

Ночь прошла, и кровяные зори
Возвещают бедствие с утра.
Туча надвигается от моря
На четыре княжеских шатра.
Чтоб четыре солнца не сверкали,

Освещая Игореву рать,
Быть сегодня грому на Каяле,
Лить дождю и стрелами хлестать!
Уж трепещут синие зарницы,
Вспыхивают молнии кругом.
Вот где копьям русским преломиться.
Вот где саблям острым притупиться,
Загремев о вражеский шелом!
О Русская земля!
Ты уже за холмом.

10

Вот Стрибожьи вылетели внуки —
Зашумели ветры у реки,
И взметнули вражеские луки
Тучу стрел на русские полки.
Стоном стонет мать-земля сырая,
Мутно реки быстрые текут,
Пыль несется, поле покрывая.
Стяги плещут: половцы идут!
С Дона, с моря с криками и с воем
Валит враг, но, полон ратных сил,
Русский стан сомкнулся перед боем
Щит к щиту – и степь загородил.

11

Славный яр тур Всеволод! С полками
В обороне крепко ты стоишь,
Прыщешь стрелы, острыми клинками
О шеломы ратные гремишь.
Где ты ни проскачешь, тур, шеломом
Золотым посвечивая, там
Шишаки земель аварских с громом
Падают, разбиты пополам.
И слетают головы с поганых,
Саблями порублены в бою.
И тебе ли, тур, скорбеть о ранах,
Если жизнь не ценишь ты свою!
Если ты на ратном этом поле
Позабыл о славе прежних дней,
О златом черниговском престоле,
О желанной Глебовне своей!

12

Были, братья, времена Трояна,
Миновали Ярослава годы,
Позабылись правнуками рано
Грозные Олеговы походы.
Тот Олег мечом ковал крамолу,

Пробираясь к отчему престолу,
Сеял стрелы и, готовясь к брани,
В злат стремень вступал в Тмуторокани,
В злат стремень вступал, готовясь к сече.
Звон тот слушал Всеволод далече,
А Владимир за своей стеною
Уши затыкал перед бедою.

13

А Борису, сыну Вячеслава,
Зелен саван у Канина брега
Присудила воинская слава
За обиду храброго Олега.
На такой же горестной Каяле,
Укрепив носилки между вьюков,
Святополк отца увез в печали,
На конях угорских убаюкав.
Прозван Гориславичем в народе,
Князь Олег пришел на Русь как ворог.
Внук Дажьбога бедствовал в походе,
Век людской в крамолах стал недолог.
И не стало жизни нам богатой,
Редко в поле выходил оратай,
Вороны над пашнями кружились,
На убитых с криками садились,
Да слетались галки на беседу,
Собираясь стаями к обеду…
Много битв в те годы отзвучало.
Но такой, как эта, не бывало.

14

Уж с утра до вечера и снова
С вечера до самого утра
Бьется войско князя удалого,
И растет кровавых тел гора.
День и ночь над полем незнакомым
Стрелы половецкие свистят,
Сабли ударяют по шеломам,
Копья харалужные трещат.
Мертвыми усеяно костями,
Далеко от крови почернев,
Задымилось поле под ногами,
И взошел великими скорбями
На Руси кровавый тот посев.

15

Что там шумит,
Что там звенит
Далеко во мгле, перед зарею?

Игорь, весь израненный, спешит
Беглецов вернуть обратно к бою.
Не удержишь вражескую рать!
Жалко брата Игорю терять.
Бились день. рубились день-другой,
В третий день к полудню стяги пали,
И расстался с братом брат родной
На реке кровавой, на Каяле.
Недостало русичам вина.
Славный пир дружины завершили —
Напоили сватов допьяна,
Да и сами головы сложили.
Степь поникла, жалости полна,
И деревья ветви приклонили.

16

И настала тяжкая година,
Поглотила русичей чужбина,
Поднялась Обида от курганов
И вступила девой в край Троянов.
Крыльями лебяжьими всплеснула,
Дон и море оглашая криком,
Времена довольства пошатнула,
Возвестив о бедствии великом.
А князья дружин не собирают.
Не идут войной на супостата,
Малое великим называют
И куют крамолу брат на брата.
А враги на Русь несутся тучей,
И повсюду бедствие и горе.
Далеко ты, сокол наш могучий,
Птиц бия, ушел на сине море!

17

Не воскреснуть Игоря дружине,
Не подняться после грозной сечи!
И явилась Карна и в кручине
Смертный вопль исторгла, и далече
Заметалась Желя по дорогам,
Потрясая искрометным рогом.
И от края, братья, и до края
Пали жены русские, рыдая:
«Уж не видеть милых лад нам боле!
Кто разбудит их на ратном поле?
Их теперь нам мыслию не смыслить,
Их теперь нам думою не сдумать,
И не жить нам в тереме богатом,
Не звенеть нам серебром да златом!»

18
Стонет, братья, Киев над горою,
Тяжела Чернигову напасть,
И печаль обильною рекою
По селеньям русским разлилась.
И нависли половцы над нами,
Дань берут по белке со двора,
И растет крамола меж князьями,
И не видно от князей добра.

19
Игорь-князь и Всеволод отважный
Святослава храбрые сыны —
Вот ведь кто с дружиною бесстрашной
Разбудил поганых для войны!
А давно ли, мощною рукою
За обиды наших покарав,
Это зло великое грозою
Усыпил отец их, Святослав!
Был он грозен в Киеве с врагами
И поганых ратей не щадил —
Устрашил их сильными полками,
Порубил булатными мечами
И на Степь ногою наступил.
Потоптал холмы он и яруги,
Возмутил теченье быстрых рек,
Иссушил болотные округи,
Степь до лукоморья пересек.
А того поганого Кобяка
Из железных вражеских рядов
Вихрем вырвал – и упал, собака,
В Киеве, у княжьих теремов.

20
Венецейцы, греки и морава
Что ни день о русичах поют,
Величают князя Святослава.
Игоря отважного клянут.
И смеется гость земли немецкой,
Что, когда не стало больше сил.
Игорь-князь в Каяле половецкой
Русские богатства утопил.
И бежит молва про удалого,
Будто он, на Русь накликав зло.
Из седла, несчастный, золотого
Пересел в кощеево седло…
Приумолкли города, и снова
На Руси веселье полегло.

Часть вторая

Место действия «Слова» переносится в Киев. Иностранцы (немцы, венецианцы, греки и мораване) живо сочувствуют удачам Святослава и несчастию Игоря. Следует «мутенъ сонъ» великого князя Святослава, объяснение его боярами и «золотое слово» Святослава. Снилось князю в «тереме златоверхом», что треснула балка над ним, закаркали вороны и понеслись к морю с Оболони. А самого князя стали приготовлять к погребению: на кровати тисовой «покрывали черной пеленою», стали оплакивать «синим вином с трутом смешанным», стали сыпать крупный жемчуг – слёзы на лоно. И сказали бояре князю: «горе твое от того, что два сокола слетели с золотого стола отцовского; соколов захватили в железные путины и подрезали им крылья саблями поганых». Четыре князя попали в плен: Игорь, Всеволод, Святослав Ольгович и Владимир Игоревич. Речь бояр переходит в образный, картинный плач. Тогда великий князь Святослав изрекает своё «золотое слово», упрекая Игоря и Всеволода за излишнюю самонадеянность.

1
В Киеве далеком, на горах,
Смутный сон приснился Святославу,
И объял его великий страх,
И собрал бояр он по уставу.
«С вечера до нынешнего дня, —
Молвил князь, поникнув головою, —
На кровати тисовой меня
Покрывали черной пеленою.
Черпали мне синее вино,
Горькое отравленное зелье,
Сыпали жемчуг на полотно
Из колчанов вражьего изделья.
Златоверхий терем мой стоял
Без конька, и, предвещая горе,
Вражий ворон в Плесенске кричал
И летел, шумя, на сине море».

2
И бояре князю отвечали:
«Смутен ум твой, княже, от печали.
Не твои ль два сокола, два чада
Поднялись над полем незнакомым
Поискать Тмуторокани-града
Либо Дону зачерпнуть шеломом?
Да напрасны были их усилья.
Посмеявшись на твои седины,
Подрубили половцы им крылья,
А самих опутали в путины».

3
В третий день окончилась борьба
На реке кровавой, на Каяле,

И погасли в небе два столба,
Два светила в сумраке пропали.
Вместе с ними, за море упав,
Два прекрасных месяца затмились
Молодой Олег и Святослав
В темноту ночную погрузились.
И закрылось небо, и погас
Белый свет над Русскою землею,
И. как барсы лютые, на нас
Кинулись поганые с войною.
И воздвиглась на Хвалу Хула,
И на волю вырвалось Насилье,
Прянул Див на землю, и была
Ночь кругом и горя изобилье:

4
Девы готские у края
Моря синего живут.
Русским золотом играя,
Время Бусово поют.
Месть лелеют Шаруканью,
Нет конца их ликованью…
Нас же, братия-дружина,
Только беды стерегут.

5
И тогда великий Святослав
Изронил свое златое слово.
Со слезами смешано, сказав:
«О сыны, не ждал я зла такого!
Загубили юность вы свою,
На врага не вовремя напали,
Не с великой честию в бою
Вражью кровь на землю проливали.
Ваше сердце в кованой броне
Закалилось в буйстве самочинном.
Что ж вы, дети, натворили мне
И моим серебряным сединам?
Где мой брат, мой грозный Ярослав,
Где его черниговские слуги,
Где татраны, жители дубрав,
Топчаки, ольберы и ревуги?
А ведь было время – без щитов.
Выхватив ножи из голенища,
Шли они на полчища врагов,
Чтоб отметить за наши пепелища.
Вот где славы прадедовской гром!
Вы ж решили бить наудалую:
„Нашу славу силой мы возьмем,

А за ней поделим и былую“.
Диво ль старцу – мне помолодеть?
Старый сокол, хоть и слаб он с виду,
Высоко заставит птиц лететь,
Никому не даст гнезда в обиду.
Да князья помочь мне не хотят,
Мало толку в силе молодецкой.
Время, что ли. двинулось назад?
Ведь под самым Римовом кричат
Русичи под саблей половецкой!
И Владимир в ранах, чуть живой, —
Горе князю в сече боевой!»

6

Князь великий Всеволод! Доколе
Муки нам великие терпеть?
Не тебе ль на суздальском престоле
О престоле отчем порадеть?
Ты и Волгу веслами расплещешь,
Ты шеломом вычерпаешь Дон,
Из живых ты луков стрелы мечешь,
Сыновьями Глеба окружен.
Если б ты привел на помощь рати,
Чтоб врага не выпустить из рук, —
Продавали б девок по ногате,
А рабов – по резани на круг.

7

Вы, князья буй Рюрик и Давид!
Смолкли ваши воинские громы.
А не ваши ль плавали в крови
Золотом покрытые шеломы?
И не ваши ль храбрые полки
Рыкают, как туры, умирая
От каленой сабли, от руки
Ратника неведомого края?
Встаньте, государи, в злат стремень
За обиду в этот черный день,
За Русскую землю,
За Игоревы раны —
Удалого сына Святославича!

8

Ярослав, князь Галицкий! Твой град
Высоко стоит под облаками.
Оседлал вершины ты Карпат
И подпер железными полками.
На своем престоле золотом
Восемь дел ты, князь, решаешь разом,

И народ зовет тебя кругом
Осмомыслом – за великий разум.
Дверь Дуная заперев на ключ,
Королю дорогу заступая,
Бремена ты мечешь выше туч,
Суд вершишь до самого Дуная.
Власть твоя по землям потекла.
В киевские входишь ты пределы,
И в салтанов с отчего стола
Ты пускаешь княжеские стрелы.
Так стреляй в Кончака. государь,
С дальних гор на ворога ударь
За Русскую землю,
За Игоревы раны —
Удалого сына Святославича!

9

Вы, князья Мстислав и буй Роман!
Мчит ваш ум на подвиг мысль живая,
И несетесь вы на вражий стан,
Соколом ширяясь сквозь туман,
Птицу в буйстве одолеть желая.
Вся в железе княжеская грудь,
Золотом шелом латинский блещет,
И повсюду, где лежит ваш путь,
Вся земля от тяжести трепещет.
Хинову вы били и Литву;
Деремела, половцы, ятвяги,
Бросив копья, пали на траву
И склонили буйную главу
Под мечи булатные и стяги.

10

Но уж прежней славы больше с нами нет.
Уж не светит Игорю солнца ясный свет.
Не ко благу дерево листья уронило:
Поганое войско грады поделило.
По Суле, по Роси счету нет врагу.
Не воскреснуть Игореву храброму полку!
Дон зовет нас, княже, кличет нас с тобой!
Ольговичи храбрые одни вступили в бой.

11

Князь Ингварь, князь Всеволод!
И вас Мы зовем для дальнего похода,
Трое ведь Мстиславичей у нас,
Шестокрыльцев княжеского рода!
Не в бою ли вы себе честном
Города и волости достали?

Где же ваш отеческий шелом,
Верный щит, копье из ляшской стали?
Чтоб ворота Полю запереть,
Вашим стрелам время зазвенеть
За Русскую землю,
За Игоревы раны —
Удалого сына Святославича!

12

Уж не течет серебряной струею
К Переяславлю-городу Сула.
Уже Двина за полоцкой стеною
Под клик поганых в топи утекла.
Но Изяслав, Васильков сын, мечами
В литовские шеломы позвонил,
Один с своими храбрыми полками
Всеславу-деду славы прирубил.
И сам, прирублен саблею каленой,
В чужом краю, среди кровавых трав,
Кипучей кровью в битве обагренный,
Упал на щит червленый, простонав:
«Твою дружину, княже. приодели
Лишь птичьи крылья у степных дорог,
И полизали кровь на юном теле
Лесные звери, выйдя из берлог».
И в смертный час на помощь храбру мужу
Никто из братьев в бой не поспешил.
Один в степи свою жемчужну душу
Из храброго он тела изронил.
Через златое, братья, ожерелье
Ушла она. покинув свой приют.
Печальны песни, замерло веселье,
Лишь трубы городенские поют…

13

Ярослав и правнуки Всеслава!
Преклоните стяги! Бросьте меч!
Вы из древней выскочили славы,
Коль решили честью пренебречь.
Это вы раздорами и смутой
К нам на Русь поганых завели,
И с тех пор житья нам нет от лютой
Половецкой проклятой земли!

14

Шел седьмой по счету век Троянов.
Князь могучий полоцкий Всеслав
Кинул жребий, в будущее глянув,
О своей любимой загадав.

Замышляя новую крамолу,
Он опору в Киеве нашел,
И примчался к древнему престолу,
И копьем ударил о престол.
Но не дрогнул старый княжий терем.
И Всеслав, повиснув в синей мгле,
Выскочил из Белгорода зверем —
Не жилец на киевской земле.
И, звеня секирами на славу,
Двери новгородские открыл,
И расшиб он славу Ярославу,
И с Дудуток через лес-дубраву
До Немиги волком проскочил.
А на речке, братья, на Немиге
Княжью честь в обиду не дают:
День и ночь снопы кладут на риге —
Не снопы, а головы кладут.
Не цепом – мечом своим булатным
В том краю молотит земледел,
И кладет он жизнь на поле ратном,
Веет душу из кровавых тел.
Берега Немиги той проклятой
Почернели от кровавых трав —
Не добром засеял их оратай,
А костями русскими – Всеслав.

15

Тот Всеслав людей судом судил,
Города Всеслав князьям делил,
Сам всю ночь, как зверь, блуждал в тумане.
Вечер – в Киеве, до зорь – в Тмуторокани,
Словно волк, напав на верный путь.
Мог он Хорсу бег пересягнуть.

16

У Софии в Полоцке, бывало,
Позвонят к заутрене, а он
В Киеве, едва заря настала,
Колокольный слышит перезвон.
И хотя в его могучем теле
Обитала вещая душа,
Все ж страданья князя одолели,
И погиб он, местию дыша.
Так свершил он путь свой небывалый.
И сказал Боян ему тогда:
«Князь Всеслав! Ни мудрый, ни удалый
Не минуют божьего суда».

17

О, стонать тебе, земля родная,
Прежние годины вспоминая
И князей давно минувших лет!
Старого Владимира уж нет.
Был он храбр, и никакая сила
К Киеву б его не пригвоздила.
Кто же стяги древние хранит?
Эти – Рюрик носит, те – Давыд,
Но не вместе их знамена плещут,
Врозь поют их копия и блещут.

Часть третья

Ярославна, жена князя Игоря, рано плачет в Путивле на городской стене, ее голос слышится на Дунае. Ярославна жалуется ветру – что он ее веселье по степи развеял? Просит Днепр-Славутич вернуть ей любимого человека. Взывает к светлому и трисветлому солнцу: «Что ж ты войско князя удалое жаркими лучами обожгло?»

1

Над широким берегом Дуная,
Над великой Галицкой землей
Плачет, из Путивля долетая.
Голос Ярославны молодой;
«Обернусь я, бедная, кукушкой,
По Дунаю-речке полечу
И рукав с бобровою опушкой,
Наклонясь, в Каяле омочу.
Улетят, развеются туманы,
Приоткроет очи Игорь-князь,
И утру кровавые я раны,
Над могучим телом наклонясь».
Далеко в Путивле, на забрале,
Лишь заря займется поутру,
Ярославна, полная печали,
Как кукушка, кличет на юру:
«Что ты, Ветер, злобно повеваешь,
Что клубишь туманы у реки,
Стрелы половецкие вздымаешь,
Мечешь их на русские полки?
Чем тебе не любо на просторе
Высоко под облаком летать,
Корабли лелеять в синем море,
За кормою волны колыхать?
Ты же, стрелы вражеские сея,
Только смертью веешь с высоты.
Ах, зачем, зачем мое веселье
В ковылях навек развеял ты?»
На заре в Путивле причитая,

Как кукушка раннею весной,
Ярославна кличет молодая,
На стене рыдая городской:
«Днепр мой славный! Каменные горы
В землях половецких ты пробил,
Святослава в дальние просторы
До полков Кобяковых носил.
Возлелей же князя, господине,
Сохрани на дальней стороне,
Чтоб забыла слезы я отныне,
Чтобы жив вернулся он ко мне!»
Далеко в Путивле, на забрале,
Лишь заря займется поутру,
Ярославна, полная печали,
Как кукушка, кличет на юру:
«Солнце трижды светлое! С тобою
Каждому приветно и тепло.
Что ж ты войско князя удалое
Жаркими лучами обожгло?
И зачем в пустыне ты безводной
Под ударом грозных половчан
Жаждою стянуло лук походный,
Горем переполнило колчан?»

2

И взыграло море. Сквозь туман
Вихрь промчался к северу родному —
Сам господь из половецких стран
Князю путь указывает к дому.
Уж погасли зори. Игорь спит —
Дремлет Игорь, но не засыпает.
Игорь к Дону мыслями летит,
До Донца дорогу измеряет.
Вот уж полночь. Конь давно готов.
Кто свистит в тумане за рекою?
То Овлур. Его условный зов
Слышит князь, укрытый темнотою:
«Выходи, князь Игорь!» И едва
Смолк Овлур, как от ночного гула
Вздрогнула земля,
Зашумела трава,
Буйным ветром вежи всколыхнуло.
В горностая-белку обратясь,
К тростникам помчался Игорь-князь
И поплыл, как гоголь, по волне,
Полетел, как ветер, на коне.
Конь упал, и князь с коня долой,
Серым волком скачет он домой.
Словно сокол, вьется в облака,

Увидав Донец издалека.
Без дорог летит и без путей,
Бьет к обеду уток-лебедей.
Там, где Игорь соколом летит,
Там Овлур, как серый волк, бежит,
Все в росе от полуночных трав,
Борзых коней в беге надорвав.

3

Уж не каркнет ворон в поле,
Уж не крикнет галка там.
Не трещат сороки боле,
Только скачут по кустам.
Дятлы. Игоря встречая.
Стуком кажут путь к реке,
И, рассвет веселый возвещая.
Соловьи ликуют вдалеке.

4

И, на волнах витязя лелея.
Рек Донец: «Велик ты, Игорь-князь!
Русским землям ты принес веселье,
Из неволи к дому возвратясь». —
«О река! – ответил князь, – немало
И тебе величья! В час ночной
Ты на волнах Игоря качала,
Берег свой серебряный устлала
Для него зеленою травой.
И, когда дремал он под листвою,
Где царила сумрачная мгла,
Страж ему был гоголь над водою.
Чайка князя в небе стерегла.

5

А не всем рекам такая слава.
Вот Стугна, худой имея нрав,
Разлилась близ устья величаво,
Все ручьи соседние пожрав.
И закрыла Днепр от Ростислава,
И погиб в пучине Ростислав.
Плачет мать над темною рекою,
Кличет сына-юношу во мгле,
И цветы поникли, и с тоскою
Приклонилось дерево к земле».

6

Не сороки во поле стрекочут,
Не вороны кличут у Донца —
Кони половецкие топочут,

Гзак с Кончаком ищут беглеца.
И сказал Кончаку старый Гзак:
«Если сокол улетает в терем,
Соколенок попадет впросак —
Золотой стрелой его подстрелим».
И тогда сказал ему Кончак:
«Если сокол к терему стремится,
Соколенок попадет впросак —
Мы его опутаем девицей». —
«Коль его опутаем девицей, —
Отвечал Кончаку старый Гзак, —
Он с девицей в терем свой умчится,
И начнет нас бить любая птица
В половецком поле, хан Кончак!»

7

И изрек Боян, чем кончить речь
Песнотворцу князя Святослава:
«Тяжко, братья, голове без плеч,
Горько телу, коль оно безглаво».
Мрак стоит над Русскою землей:
Горько ей без Игоря одной.

8

Но восходит солнце в небеси —
Игорь-князь явился на Руси.
Вьются песни с дальнего Дуная,
Через море в Киев долетая.
По Боричеву восходит удалой
К Пирогощей богородице святой.
И страны рады,
И веселы грады.
Пели песню старым мы князьям,
Молодых настало время славить нам:
Слава князю Игорю,
Буй тур Всеволоду,
Владимиру Игоревичу!
Слава всем, кто, не жалея сил.
За христиан полки поганых бил!
Здрав будь, князь, и вся дружина здрава!
Слава князям и дружине слава!

Отечественная война 1812 года

На рассвете 24 (12 по старому стилю) июня 1812 года войска Наполеона без объявления войны переправились через реку Неман и вторглись в пределы России. «Великая армия» (так сам Наполеон называл свое войско), насчитывала свыше 600 тысяч человек и 1420 орудий. Помимо французов в нее входили национальные корпуса европейских стран, покоренных Наполеоном, а также польский корпус маршала Ю. Понятовского.

Наполеон планировал завершить кампанию за три года: в 1812 году овладеть западными губерниями от Риги до Луцка, в 1813 году – Москвой, а в 1814 году – и Санкт-Петербургом. Такая постепенность позволила бы ему расчленить Россию, обеспечив тылы и коммуникации армии, действующей на огромных пространствах. Сорвав стратегический план Наполеона, русское командование начало отход вглубь страны. Вместо поэтапного расчленения России французский полководец был вынужден двигаться за ускользающими русскими армиями вглубь страны, растягивая коммуникации и теряя превосходство в силах.

Переломным сражением в ходе войны стала битва при Бородино. Несмотря на поражение русской армии, французские войска понесли сокрушительные потери – 58 тысяч человек. На военном совете в деревне Фили Михаил Илларионович Кутузов принял тяжелое решение – оставить Москву французам: «С потерею Москвы не потеряна еще Россия. Первою обязанностью ставлю себе сохранить армию, сблизиться с теми войсками, которые идут на подкрепление, и самым уступлением Москвы приготовить неизбежную гибель неприятелю». Город был оставлен населением. Ни продовольствия, ни отдыха в захваченном городе французы не получили: Москва горела.

Г. Р. Державин

Гимн лиро-эпический на прогнание французов из отечества

отрывки

Что ж в сердце чувствую тоску
И грусть в душе моей смертельну?
Разрушенну и обагренну
Под пеплом в дыме зрю Москву,
О страх! о скорбь! Но свет с эмпира
Объял мой дух, – отблещет лира;
Восторг пленит, живит, бодрит
И тлен земной забыть велит,
«Пой! – мир гласит мне горний, дольний,—
И оправдай судьбы господни».
Открылась тайн священных дверь!
Исшел из бездн огромный зверь,
Дракон иль демон змеевидный;
Вокруг его ехидны
Со крыльев смерть и смрад трясут,
Рогами солнце прут;
Отенетяя вкруг всю ошибами сферу,
Горящу в воздух прыщут серу,
Холмят дыханьем понт,
Льют ночь на горизонт
И движут ось всея вселенны.
Бегут все смертные смятенны
От князя тьмы и крокодильных стад.
Они ревут, свистят и всех страшат;
А только агнец белорунный,
Смиренный, кроткий, но челоперунный,
Восстал на Севере один,—
Исчез змей-исполин!
Что се? Стихиев ли борьба?
Брань с светом тьмы? добра со злобой?
Иль так рожденный утробой
Коварств крамола, лесть, татьба
В ад сверглись громом с князем бездны,
Которым трепетал свод звездный,
Лишались солнца их лучей?
От пламенных его очей
Багрели горы, рдело море,
И след его был плач, стон, горе!..
И бог сорвал с него свой луч:

Тогда средь бурных, мрачных туч
Неистовой своей гордыни,
И домы благостыни
Смердя своими надписьми,
А алтари коньми
Он поругал. Тут все в нем чувства закричали,
Огнями надписи вспылали,
Исслали храмы стон,—
И обезумел он.
Сим предузнав свое он горе,
Что царство пройдет его вскоре,
Не мог уже в Москве своих снесть зол,
Решился убежать, зажег, ушел;
Вторым став Навходоносором,
Кровавы угли вкруг бросая взором,
Лил пену с челюстей, как вепрь,
И ринулся в мрак дебрь.
Но, Муза! таинственный глагол
Оставь, – и возгреми трубою,
Как твердой грудью и душою
Росс, ополчась, на галла шел;
Как Запад с Севером сражался,
И гром о громы ударялся,
И молньи с молньями секлись,
И небо и земля тряслись
На Бородинском поле страшном,
На Малоярославском, Красном.
Там штык с штыком, рой с роем пуль,
Ядро с ядром и бомба с бомбой,
Жужжа, свища, сшибались с злобой,
И меч, о меч звуча, слал гул;
Там всадники, как вихри бурны,
Темнили пылью свод лазурный;
Там бледна смерть с косой в руках,
Скрежещуща, в единый мах
Полки, как класы, посекала
И трупы по полям бросала…
Какая честь из рода в род
России, слава незабвенна,
Что ей избавлена вселенна
От новых Тамерлана орд!
Цари Европы и народы!
Как бурны вы стремились воды,
Чтоб поглотить край росса весь;
Но буйные! где сами днесь?
Почто вы спяща льва будили,
Чтобы узнал свои он силы?
Почто вмешались в сонм вы злых
И, с нами разорвав союзы,

Грабителям поверглись в узы
И сами укрепили их?
Где царственны, народны правы?
Где, где германски честны нравы?
Друзья мы были вам всегда,
За вас сражались иногда;
Но вы, забыв и клятвы святы,
Ползли грызть тайно наши пяты.
О новый Вавилон, Париж!
О град мятежничьих жилищ,
Где бога нет, окроме злата,
Соблазнов и разврата;
Где самолюбью на алтарь
Все, все приносят в дар!
Быв чуждых царств не сыт, ты шел с Наполеоном,
Неизмеримым небосклоном
России повратить,
Полсвета огорстить.
Хоть прелестей твоих уставы
Давно уж чли венцом мы славы;
Но, не довольствуясь слепить умом,
Ты мнил попрать нас и мечом,
Забыв, что северные силы
Всегда на Запад ужас наносили…
О росс! о добльственный народ,
Единственный, великодушный,
Великий, сильный, славой звучный,
Изящностью своих доброт!
По мышцам ты неутомимый,
По духу ты непобедимый,
По сердцу прост, по чувству добр,
Ты в счастьи тих, в несчастьи бодр,
Царю радушен, благороден,
В терпеньи лишь себе подобен.
Красуйся ж и ликуй, герой,
Что в нынешнем ты страшном бедстве
В себе и всем твоем наследстве
Дал свету дух твой знать прямой!
Лобзайте, родши, чад, их – чада,
Что в вас отечеству ограда
Была взаимна от врагов;
Целуйте, девы, женихов,
Мужей супруги, сестры братья,
Что был всяк тверд среди несчастья.
И вы, Гесперья, Альбион,
Внемлите: пал Наполеон!
Без нас вы рано или поздно,
Но понесли бы грозно,
Как все несут, его ярмо,—

Уж близилось оно;
Но мы, как холмы, быв внутрь жуплом наполненны,
На нас налегший облак черный
Сдержав на раменах,
Огнь дхнули, – пал он в прах.
С гиганта ребр в Версальи трески,
А с наших рук вам слышны плески:
То в общем, славном торжестве таком
Не должны ли и общих хвал венцом
Мы чтить героев превосходных,
Душою россов твердых, благородных?
О, как мне мил их взор, их слух!
Пленен мой ими дух!
И се, как въяве вижу сон,
Ношуся вне пределов мира,
Где в голубых полях эфира
Витает вождей росских сонм.
Меж ими там в беседе райской
Рымникский, Таврский, Задунайский
Между собою говорят:
«О, как венец светлей стократ,
Что дан не царств за расширенье,
А за отечества спасенье!
Мамай, Желковский, Карл путь свят
К бессмертью подали прямому
Петру, Пожарскому, Донскому;
Кутузову днесь – Бонапарт.
Доколь Москва, Непрядва и Полтава
Течь будут, их не умрет слава.
Как воин, что в бою не пал,
Еще хвал вечных не стяжал;
Так громок стран пусть покоритель,
Но лишь велик их свят спаситель».
По правде вечности лучей
Достойны войны наших дней.
Смоленский князь, вождь дальновидный,
Не зря на толк обидный,
Великий ум в себе являл,
Без крови поражал
И в бранной хитрости противника, без лести,
Превысил Фабия он в чести.
Витгенштейн легче бить
Умел, чем отходить
Средь самых пылких, бранных споров,
Быв смел как лев, быстр как Суворов.
Вождь не предзримый, гром как с облаков,
Слетал на вражий стан, на тыл – Платов.
Но как исчислить всех героев,
Живых и падших с славою средь боев?

Почтим Багратионов прах—
Он жив у нас в сердцах!
Се бранных подвигов венец!
И разность меж Багратионом
По смерти в чем с Наполеоном?
Не в чувстве ль праведных сердец?
Для них не больше ль знаменитый
Слезой, чем клятвами покрытый?
Так! мерил мерой кто какой,
И сам возмерен будет той.
Нам правда божия явила,
Какая галлов казнь постигла.
О полный чудесами век!
О мира колесо превратно!
Давно ль страшилище ужасно
На нас со всей Европой тек!
Но где днесь добычи богаты?
Где мудрые вожди, тристаты?
Где победитель в торжествах?
Где гений, блещущий в лучах?
Не здесь ли им урок в ученье,
Чтоб царств не льститься на хищенье?
О, так! блаженство смертных в том,
Чтоб действовать всегда во всем
Лишь с справедливостью согласно,
Так мыслить беспристрастно,
Что мы чего себе хотим,
Того желать другим…
Отца отечества несметны попеченьи
Скорбей прогонят наших тени;
Художеств сонм, наук,
Торгов, лир громких звук,
Все возвратятся в их жилищи;
Свое и чуждо племя пищи
Придут, как под смоковницей, искать
И словом: быв градов всех русских мать,
Москва по-прежнему восстанет
Из пепла, зданьем велелепным станет,
Как феникс, снова процветать,
Венцом средь звезд блистать.
…И из страны Российской всей
Печаль и скорби изженутся,
В ней токи крови не прольются,
Не канут слезы из очей;
От солнца пахарь не сожжется,
От мраза бедный не согнется;
Сады и нивы плод дадут,
Моря чрез горы длань проструг,
Ключи с ключами сожурчатся,

По рощам песни огласятся.
Но солнце! мой вечерний луч!
Уже за холмы синих туч
Спускаешься ты в темны бездны,
Твой тускнет блеск любезный
Среди лиловых мглистых зарь,
И мой уж гаснет жар;
Холодна старость – дух, у лиры – глас отъемлет,
Екатерины Муза дремлет:
То юного царя
Днесь вслед орлов паря,
Предшествующих благ виденья,
Что мною в день его рожденья
Предречено, достойно петь
Я не могу; младым певцам греметь
Мои вверяю ветхи струны…

1812–1813

Ода на смерть фельдмаршала князя Смоленского

апреля в 16 день 1813 года (в сокращении)

Отколе пал внезапно гром
И молния покрылась паром?
Грохочет всюду гул кругом!
Каким гордится смерть ударом,
Что дрогнула твоя коса?
Давно ль, давно ль, страна преславна,
В блаженстве царствовала ты!
Где ж красота твоя державна?
Не тот и взор, не те черты!
Отколь там грусть, где дух великий?
Военный гений твой в слезах.
В густом тумане ратна сила,
Всеобща скорбь слышна в речах,
По лаврам ты идешь уныло!
Где сын твой, где бессмертный вождь?..
Откликнись, вождь наш несравненный!
Осиротел твой меч в ножнах!
На твой лежащий шлем священный
Уже валятся ржа и прах!
Не спишь ли ты в сияньи славы?..
Проснись… Но что?.. Желанья тщетны!
Молчит весь мир на голос мой!
Ссеченный дуб наш кратколетний
Не тмит уже лучей собой,
И шум вокруг лишь в листьях мертвых.
Вот гения блестящий век!
Где ум? где дух? где блеск и сила?
И что такое человек,
Когда вся цель его – могила,
А сущность – горсть одна земли!
И свет и прах он здесь мгновенно,
Но скрытый сей небесный гром
Единым мигом в жизни тленной
Быть может вечности лучом.
О призрак света непостижный!..

1813

Князь Кутузов-Смоленской

Когда в виду ты всей вселенны
Наполеона посрамил,
Языки одолел сгущенны,
Защитником полсвета был;
Когда тебе судьбы предвечны
Ум дали – троны царств сберечь,
Трофеи заслужить сердечны,
Осилить Александров меч;
Злодеев истребить враждебных,
Обресть бессмертный лавр побед,
В вратах Европы растворенных
Смыть кровью злобы дерзкий след;
Москву освободить попранну,
Отечество спасти от зол,
Лезть дале путь пресечь тирану,
Един основывать престол,—
Не умолчит потомств глагол!
Се мать твоя, Россия, – зри —
Ко гробу руки простирает,
Ожившая тобой, рыдает,
И плачут о тебе цари!

1813 (?)

И. А. Крылов

Волк на псарне

Волк ночью, думая залезть в овчарню,
Попал на псарню.
Поднялся вдруг весь псарный двор.
Почуя серого так близко забияку,
Псы залились в хлевах и рвутся вон на драку.
Псари кричат: «Ахти, ребята, вор!»
И вмиг ворота на запор;
В минуту псарня стала адом.
Бегут: иной с дубьем,
Иной с ружьем.
Огня! – кричат, – огня!»
Пришли с огнем.
Мой Волк сидит, прижавшись в угол задом.
Зубами щелкая и ощетиня шерсть,
Глазами, кажется, хотел бы всех он съесть;
Но, видя то, что тут не перед стадом
И что приходит наконец
Ему расчесться за овец,—
Пустился мой хитрец
В переговоры
И начал так: «Друзья!
К чему весь этот шум?
Я, ваш старинный сват и кум,
Пришел мириться к вам, совсем не ради ссоры;
Забудем прошлое, уставим общий лад!
А я не только впредь не трону здешних стад,
Но сам за них с другими грызться рад.
И волчьей клятвой утверждаю,
Что я…» – «Послушай-ка, сосед,—
Тут ловчий перервал в ответ,—
Ты сер, а я, приятель, сед,
И Волчью вашу я давно натуру знаю;
А потому обычай мой:
С волками иначе не делать мировой,
Как снявши шкуру с них долой».
И тут же выпустил на Волка гончих стаю.

Октябрь 1812

Обоз

С горшками шел Обоз,
И надобно с крутой горы спускаться.
Вот, на горе других оставя дожидаться,
Хозяин стал сводить легонько первый воз.
Конь добрый на крестце почти его понес,
Катиться возу не давая;
А лошадь сверху, молодая,
Ругает бедного коня за каждый шаг:
«Ай, конь хваленый, то-то диво!
Смотрите: лепится, как рак;
Вот чуть не зацепил за камень.
Косо! криво! Смелее! Вот толчок опять!
А тут бы влево лишь принять,
Какой осел! Добро бы было в гору
Или в ночную пору;
А то и под гору и днем!
Смотреть, так выйдешь из терпенья!
Уж воду бы таскал, коль нет в тебе уменья!
Гляди-тко нас, как мы махнем!
Не бойсь, минуты не потратим,
И возик свой мы не свезем, а скатим!»
Тут, выгнувши хребет и понатужа грудь,
Тронулася лошадка с возом в путь;
Но только под гору она перевалилась —
Воз начал напирать, телега раскатилась;
Коня толкает взад, коня кидает вбок,
Пустился конь со всех четырех ног
На славу;
По камням, рытвинам пошли толчки,
Скачки,
Левей, левей, и с возом – бух в канаву!
Прощай, хозяйские горшки!
Как в людях многие имеют слабость ту же:
Все кажется в другом ошибкой нам;
А примешься за дело сам,
Так напроказишь вдвое хуже.

Октябрь 1812

Ворона и курица

Когда Смоленский Князь,
Противу дерзости искусством воружась,
Вандалам новым сеть поставил
И на погибель им Москву оставил,
Тогда все жители, и малый и большой,
Часа не тратя, собралися
И вон из стен московских поднялися,
Как из улья пчелиный рой.
Ворона с кровли тут на эту всю тревогу
Спокойно, чистя нос, глядит.
«А ты что ж, кумушка, в дорогу? —
Ей с возу Курица кричит. —
Ведь говорят, что у порогу Наш супостат». —
«Мне что до этого за дело? —
Вещунья ей в ответ. – Я здесь останусь смело.
Вот ваши сестры – как хотят;
А ведь Ворон ни жарят, ни варят:
Так мне с гостьми не мудрено ужиться,
А может быть, еще удастся поживиться
Сырком, иль косточкой, иль чем-нибудь.
Прощай, хохлаточка, счастливый путь!»
Ворона подлинно осталась;
Но, вместо всех поживок ей,
Как голодом морить
Смоленский стал гостей —
Она сама к ним в суп попалась.
Так часто человек в расчетах слеп и глуп.
За счастьем, кажется, ты по пятам несешься:
А как на деле с ним сочтешься—
Попался, как ворона в суп!

Ноябрь 1812

В. А. Жуковский

Певец во стане русских воинов

Певец
На поле бранном тишина;
Огни между шатрами;
Друзья, здесь светит нам луна,
Здесь кров небес над нами.
Наполним кубок круговой!
Дружнее! руку в руку!
Запьем вином кровавый бой
И с падшими разлуку.
Кто любит видеть в чашах дно,
Тот бодро ищет боя…
О, всемогущее вино,
Веселие героя!

Воины
Кто любит видеть в чашах дно,
Тот бодро ищет боя…
О, всемогущее вино,
Веселие героя!

Певец
Сей кубок чадам древних лет!
Вам слава, наши деды!
Друзья, уже могущих нет;
Уж нет вождей победы;
Их домы вихорь разметал;
Их гробы срыли плуги;
И пламень ржавчины сожрал
Их шлемы и кольчуги;
Но дух отцов воскрес в сынах;
Их поприще пред нами…
Мы там найдем их славный прах
С их славными делами.
Смотрите, в грозной красоте,
Воздушными полками,
Их тени мчатся в высоте
Над нашими шатрами…
О Святослав, бич древних лет,
Се твой полет орлиной.
«Погибнем! мертвым срама нет!» —
Гремит перед дружиной.
И ты, неверных страх. Донской,

С четой двух соименных,
Летишь погибельной грозой
На рать иноплеменных.
И ты, наш Петр, в толпе вождей.
Внимайте клич: Полтава!
Орды пришельца снедь мечей,
И мир взывает: слава!
Давно ль, о хищник, пожирал

Ты взором наши грады?
Беги! твой кань и всадник пал!
Твой след – костей громады;
Беги! и стыд и страх сокрой
В лесу с твоим сарматом;
Отчизны враг сопутник твой:
Злодей владыке братом.
Но кто сей рьяный великан,
Сей витязь полуночи?
Друзья, на спящий вражий стаи
Вперил он страшны очи;
Его завидя в облаках,
Шумящим, смутным роем
На снежных Альпов высотах
Взлетели тени с воем;
Бледнеет галл, дрожит сармат
В шатрах от гневных взоров…
О горе! горе, супостат!
То грозный наш Суворов.
Хвала вам, чада прежних лет,
Хвала вам, чада славы!
Дружиной смелой вам вослед
Бежим на пир кровавый;
Да мчится ваш победный строй
Пред нашими орлами;
Да сеет, нам предтеча в бой,
Погибель над врагами;
Наполним кубок! меч во длань!
Внимай нам, вечный мститель!
За гибель-гибель, брань – за брань,
И казнь тебе, губитель!

Воины
Наполним кубок! меч во длань!
Внимай нам, вечный мститель!
За гибель-гибель, брань – за брань,
И казнь тебе, губитель!

Певец
Отчизне кубок сей, друзья!

Страна, где мы впервые
Вкусили сладость бытия,
Поля, холмы родные,
Родного неба милый свет,
Знакомые потоки,
Златые игры первых лет
И первых лет уроки,
Что вашу прелесть заменит?
О родина святая,
Какое сердце не дрожит,
Тебя благословляя?
Там всё – там родших милый дом;
Там наши жены, чада;
О нас их слезы пред творцом;
Мы жизни их ограда;
Там девы – прелесть наших дней,
И сонм друзей бесценный,
И царский трон, и прах царей,
И предков прах священный.
За них, друзья, всю нашу кровь!
На вражьи грянем силы;
Да в чадах к родине любовь
Зажгут отцов могилы.

Воины
За них, за них всю нашу кровь!
На вражьи грянем силы;
Да в чадах к родине любовь
Зажгут отцов могилы.

Певец
Тебе сей кубок, русский царь!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.